

— Какие роли вам интереснее играть?

Банальнейший вопрос, которым начинается какое второе интервью. На этот раз он обращен к Александру Белявскому, к актеру, явно рожденному для амплуа «героя»: парня с открытым лицом и насмешливыми глазами. Таким Белявского помнят зрители: он пользуется всеми благами и неудобствами кинопопулярности; вот и я, готовясь к беседе, припомнил все те же насмешливые глаза и открытое лицо — неперенные аксессуаров хорошего, добротного героя.

И о таком герое хотел говорить с Белявским.

Актер ответил, однако, так:

— Интереснее всего неожиданное. Интересно, если надо делать что-то совершенно тебе не свойственное, отличное от твоей человеческой индивидуальности. Самая большая похвала — когда друзья, посмотрев, спрашивают потом: «Этот ты что ли, играл?».

И сразу вместо знакомых персонажей таких лент, как «Ночь без милосердия», «Их знали только в лицо» — обаятельных, среднеарифметических — в памяти проявились совсем «не героические» герои, носители своеобразных и очень непохожих характеров: стилиста из «Иностранцев», Сергей Крылов из фильма «Иду на грозу», благообразный гад Матвей Саввич из самого последнего фильма Белявского «Главный свидетель», «благополучный приспособленец» Володя из «Июльского дождя», нахальный и самоуверенный молодой клерк из телеспектакля по рассказу Г. Уэллса «Красный гриб»... Откуда же все-таки взялось это странное представление о Белявском как об актере «голубого амплуа»?

— Ничего удивительного, — объясняет Белявский. — Меня упорно «тянут» в герои. В кино нередко приглашают на роль, ориентируясь лишь на внешность, фактуру, рост... «Он подходит для этой роли»... «А вот для этой — не подходит»... Между тем актер как раз и начинается там, где нужно преодолеть это «не подходит». Меня, например, прямо-таки преследует боязнь повториться.

— Ваше амплуа, стало быть, вам не по душе?

— Не люблю я этого разделения на амплуа, но куда не денешься... Нет, играть героев приятно, зрителям такие роли нравятся. Тяга людей к герою сильному, яркому, активному очень велика,

так что играть его и трудно и почетно, что говорить. И все же... предпочитаю роли неожиданные, характерные.

Я ведь и начинал с неожиданного. Дело было в Иркутске. Работал тогда в геологическом управлении, о сцене, о кино и не помышлял. Наверное, так и остался бы геологом, не случись в одном из наших самодеятельных драмкружков ЧП. В канун премьеры грибоедов-

ношение к Октаву, стало интересно играть.

— Но вернемся к кино. И зрители, и критики единодушно отметили вашу удачу в фильме «Главный свидетель». Роль Матвея Саввича, пожалуй, необычна для вас...

— Настолько, что худсовет не хотел меня утверждать на эту роль. Тем заманчивее было доказать, что это мне по силам.

творческого отношения к роли, с интересом принимают любое предложение. Другие относятся к актеру как к инструменту для реализации своего замысла, и только. Стиль работы первых мне больше по душе.

— Пример?

— Самый последний пример — Ежи Пассендорфер, польский режиссер, у которого я только что снялся в фильме «День очищения». Слу-

«МК» — интервью

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯВСКИЙ:

«ДОРОГА В НЕОЖИДАННОЕ»

АЛЕКСАНДР БЕЛЯВСКИЙ
Г. МОСКВА

ского «Горя от ума» что-то произошло с парнем, игравшим Молчалина. А тут я оказался под рукой.

На репетиции мне сказали: «Не будь самим собой». Молчалин — у него ведь даже походка своя, молчалинская. И манера говорить, и поворот головы, и взгляд. Надо было искать характерность персонажа, только ему присущую выразительность.

Это было увлекательно. И я влюбился в театр. Меня приняли в училище имени Щукина; вахтанговская школа только укрепляла любовь к перевоплощению, к лицедейству. Даже играя «героя», стараюсь, насколько могу, расшатать жесткие рамки амплуа.

Помню старый спектакль Театра сатиры «Проделки Скапена» в постановке Е. Весника, где мне досталась роль пылкого, влюбленного Октава — роль, по всем канонам, голубая. Решили «голубизну» моего героя довести до абсолюта, до гротеска. Голубым был даже костюм. И сразу, как только удалось найти верную интонацию, прояснил свое — с улыбкой — от-

До сути чеховского героя пришлось докапываться долго. Ну, ханжа, ну, бабник. Но ничего предосудительного ни в рассказе, ни в фильме он в общем не делает. Любовь не удалась — так это со всяким может случиться. И я поначалу решил играть хорошего человека.

Пошли репетиции, поиски образа. Каждое утро надо было настраиваться на трудный съемочный день. И каждый раз что-то в поведении моего героя мешало мне, вызывало острую неприязнь. Какое-то душевное мелководье, неспособность к серьезным чувствам, к ярким страстям. Мелкий человек, он даже сознаться в своем равнодушии к Маше не может. Все на бога ссылается, на то, что люди скажут. Отсюда прямая дорога к ханжеству, к черствости, к жестокости. В общем, получился порядочный негодяй.

— Судя по всему, неожиданности продолжают для вас и на съемочной площадке. По-видимому, вы за импровизацию?

— Есть разные режиссеры. Одни ждут от исполнителя активного

чай это редкий, так как почти всю роль от начала до конца пришлось выдумывать на съемочной площадке. В сценарии был некий партизан со странной кличкой Атаман. Сценарий о сорок четвертом годе, когда на территории оккупированной Польши действовали польские и советские партизанские отряды. Нам не хотелось выводить на экран безликого Атамана. Этому хорошему русскому парню надо было придумать все — от имени до характера, от биографии до той жизни, которую он проживает в нашем фильме. Все это мы проделали рука об руку с режиссером; я думаю, что атмосфера импровизации и творчества, которая царила на съемках, скажется на общем настрое фильма.

...Неожиданность. По-видимому, она в самой природе актерской профессии. Играть всегда новое, непохожее. Играть, максимально используя подаренную актеру природой палитру, открывая в ней неведомые еще возможности.

В. КИЧИН.

Фото Н. ТФАХТЕНБЕРГ.